

НАТАЛЬЯ
ВИШНЯКОВА

НЕ ПЛАЧЬ

ТОЛЬКО
на
ЛИТРЕС

КомпасГид
издательский дом

Наталья Н. Вишнякова

Не плачь

Серия «Подросток N»

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=51877135

*Не плачь: [для ср. шк. возраста: 12+] / Наталья Вишнякова; [авт. обл. М. Павликовская].: КонасГид; Москва; 2020
ISBN 978-5-00083-720-7*

Аннотация

«Я тебя знаю. Я видел твое лицо. Это же ты ведешь ту страницу?» Слова соседа стали для Влада полной неожиданностью. Он увлекается видеосъемкой, отлично готовит, но никаких страниц не ведет. Набрал хештег #не_плачь – и правда: кто-то, с его фоткой на аватаре, администрирует группу в соцсети – на тему, порядком доставшую за последнее время. А пару дней спустя он получил письмо с темой «Тебе надо знать». В письме – скан его детской фотографии, и на ней... два Влада. И подпись: «Костик и Владик».

В повести «Не плачь» нет одного рассказчика: в ней звучат голоса разных персонажей. Костя рассказывает о подготовке праздника для тех, кто грустит в больнице. Его бабушка просит у высших сил счастья для лучшего в мире внука. Одноклассница Юля совершает подвиги во имя первой любви. Петя делится отчаянием, в которое погрузился из-за внезапно наступившей

его болезни. Влад тщетно пытается вспомнить свое раннее детство... Все они честно говорят на темы, которые их волнуют, проговаривая, в числе прочего, и то, что хотели бы скрыть друг от друга.

Наталья Вишнякова (родилась в 1973 году) – талантливый журналист и педагог, автор нескольких книг, киносценариев и пьес для детского кукольного театра. Ее повесть «Не плачь» станет для читателей еще одной возможностью увидеть современных тинейджеров в их поиске, сомнениях и открытиях.

Герои серии «Подросток N» близки читателям от 13 лет. Персонажи этих книг когда с интересом, когда с радостью, а когда и с ужасом осознают: мир намного сложнее, чем казалось в детстве. А в сложности этой – новые возможности.

Содержание

Костя	6
1	6
2	9
3	11
4	15
5	18
6	21
7	24
8	28
9	31
10	34
Конец ознакомительного фрагмента.	35

Наталья Вишнякова

Не плачь

© Вишнякова Н. Н., текст, 2020

© Оформление. ООО «Издательский дом
„КомпасГид“», 2020

Памяти Гали Божedomовой

Костя

#не_плачь

1

Да, у меня есть мечта. Я и не отпираюсь. Конечно, не хочется сообщать о ней всем и каждому, как это делал мой брат-близнец Владик, когда ему было года четыре или даже пять. Он, как только кто-нибудь ему «привет» говорил, сразу слабел духом и раскалывался: «А вы знаете, о чем я мечтаю?» И, не успевали ему ответить, что не знают, сразу продолжал: «Я мечтаю о розовом синем попугае». Тут все принимались смеяться, спрашивать, так о розовом или о синем, а может, о розово-синем, и разве такие попугаи бывают, а Владика становилось обидно, и он сразу убегал в другую комнату вместе со своей мечтой.

Я его очень хорошо понимаю. Разве это дело, когда ты им – о самом, можно сказать, сокровенном, а они – смеяться? Не смеялся только дядя Игорь. Поэтому если я и расскажу кому-нибудь о своей мечте, так только ему, хотя он и редко к нам заходит в последнее время.

Делиться нужно с теми, кому доверяешь. Мечтами, я имею в виду. Хотя вчера я умудрился неудачно поделиться

с Юлькой розовым капкейком.

Мы с бабушкой очень любим печь что-нибудь в духовке. Пирожки с капустой, пиццу «Маргариту» и булки «Московские» мы уже освоили. Но недавно нам попался на глаза один журнал, а в нем эти злополучные капкейки. Это такие кексики с шапочкой, их можно украсить как хочешь, и поэтому праздник – не только ими лакомиться, но и придумывать, какими они будут. Нам идея с капкейками ужасно понравилась. И мы решили во что бы то ни стало их испечь.

Они получились, как бабушка сказала, отменные. Мне на завтрак остался один кексик, самый красивый, розовый. Но утром я, конечно, проспал и уже не успевал поесть медленно, с толком. А такие вещи, как капкейк с розовой шапочкой, не прочувствовав по-настоящему, есть не интересно, поэтому бабушка положила его мне в портфель.

А тут Юлька. Я смотрел на нее и думал, что в рюкзаке у меня вкуснейший перекус и можно угостить Юльку, но как его делить, если он крошится и мнется? А целый капкейк мне было жалко отдавать, потому что он на самом деле был очень вкусный и я всё утро о нем мечтал. Но и съесть одному теперь, когда мне пришла в голову мысль угостить Юльку, я уже не мог.

И вот я думал, думал, думал, прямо зрел изнутри – и созрел. Решительно достал из пенала линейку, резким движением поставил ее ребром на голову капкейку и одним нажатием перерезал его пополам. Вот и всё.

А она, эта Юлька, посмотрела на меня своими непонятного цвета глазами и говорит:

– Спасибо, не надо.

Я говорю: да чего ты, это же очень вкусно, я сам пек. А она:

– Мне не хочется сладкого.

Покосилась на этого... Субботина, он рядом стоял, хотя и спиной. И отвернулась, как будто я ей цветной капусты предложил пожевать и вареным луком закусить.

Тогда я съел всё сам, сначала одну половину, потом другую. Капкейк был самый обыкновенный, ничего такого волшебного в нем не обнаружилось, и я подумал, что запросто мог бы вообще его не есть. И печь я эти капкейки больше не буду. Какой смысл?

Моя мечта – она такая, ни на что не похожая. Когда придет время и я буду рассказывать о ней дяде Игорю, я его сначала предупрежу, чтобы он не очень удивлялся, а то еще в обморок упадет от неожиданности. Мне папа рассказывал, что, когда они с дядей Игорем давным-давно, еще в советские времена, учились в школе, дядя Игорь однажды потерял сознание и шмякнулся прямо на пол в коридоре.

Случилось это так. Заканчивалась длинная третья четверть, до каникул оставалась неделя. И папа с дядей Игорем, чтобы как-то дожить до каникул, составили список, сколько неприятных вещей осталось сделать за неделю – ну там два раза спуститься в спортивный зал на физкультуру, пять раз позавтракать в школьном буфете, десять раз переодеть сменку и так далее. Всё-всё посчитали.

А листок, на котором это было записано, папа с дядей Игорем прятали в специальное место под лестницей. Никто не должен был знать о тайнике. Каждый день после уроков заговорщики прокрадывались под лестницу: дядя Игорь вычеркивал прожитое за день, а папа посматривал, чтобы никто их не увидел. Вроде ничего преступного они не делали, но всё равно неприятно, когда кто-то лезет в твою тайну. Можно поделиться всем – яблоком, запасной ручкой, домашним заданием, – но тайной – будьте любезны! Тайна должна всегда

ходить за тобой, как тень, и ни к кому не перебегать.

И вот в пятницу, прямо перед каникулами, папа с дядей Игорем спустились к своему тайнику в последний раз, чтобы достать тетрадный листок в клеточку и торжественно вычеркнуть оставшиеся пункты. Дядя Игорь достал листок, развернул, но это оказался вовсе не список скучных дел, а кое-что совершенно иное.

«Игорь, я тебя люблю», – было написано мимо всех клеток. Дядя Игорь как это увидел, так вдруг и упал – в прямом смысле, повалился как мешок, разлегся на лестнице с открытым ртом и закрытыми глазами. Папа тогда страшно перепугался, стал звать на помощь, тормошить бесчувственное тело друга.

Но и разозлился сильно.

Потому что почерк в записке был мамин.

Только не надо думать, что я мечтатель без силы воли и серьезного взгляда на жизнь. Во всех книжках такие типы выглядят одинаково тошнотворно: кудри, большие прозрачные глаза, задумчивый взгляд. А у меня уши торчат и стрижка под лохматого ежика. Но мечта – самая настоящая.

Юлька как-то спросила: «Ты за меня мог бы убить?» Я говорю: «А зачем?» Она обиделась. Кивнула так, как будто что-то обо мне поняла, и это окончательно. А вчера мне вдруг пришло в голову: а мог бы я убить за свою мечту? Кого-нибудь, кто ходит и дышит, смеется и бесится на переменах, играет в футбол и с тарзанки в воду прыгает? Такого же, как я? И, как и тогда, с Юлькой, не смог ответить. Потому что всегда встает другой вопрос: зачем? Но зато почти сто процентов, что за эту мечту я сам смог бы геройски пасть – как в тонких книжках про мальчиков, совершавших подвиги. Наверное, смог бы.

Так вот, мама, папа и дядя Игорь учились в одном классе. Папа с дядей Игорем дружили, а мама им всячески вредила, разрушая крепкую мужскую дружбу.

Но дружба папы и дяди Игоря прошла все испытания огнем, водой и маминой вредностью. Тем более что в старших классах мама неожиданно расколдовалась и превратилась в красавицу с хорошим характером.

Она у меня такая – ее всё время нужно расколдовывать.

Однажды, когда у родителей уже были мы с братом, мама не пришла домой. Позвонила папе и сказала, что встретила кого-то там и уезжает с этим кем-то в другой город, «подальше от этого всего» и что она «больше так не может». Папа ужасно расстроился и даже превратился в не-папу: не шутил, не брился, не гулял с нами в парке, как раньше, зато всё свободное время сидел на кухне и смотрел в одну точку – в телевизор.

Хорошо, что мы до маминого ухода успели отпраздновать наш с Владиком день рождения, а то бы он своим кислым видом испортил нам радостный день, которого мы, между прочим, ждали целый год.

Через месяц папа все-таки побрился, взял Владика на руки, зачем-то забрал кактус с подоконника и тоже ушел неизвестно куда. И остались мы с бабушкой вдвоем. Сейчас уже прошло достаточно времени, чтобы я привык жить вдвоем, а не впятером. Но мне всё равно кажется, что утром, когда я еще не весь проснулся, рядом со мной стоят и мама, и папа, и Владик. Поэтому я никогда не приближаюсь к людям вплотную – ведь это место занято, понимаете?

Папа иногда приезжает, примерно раз в месяц. У них с Владиком уже всё хорошо, они живут в большом новом доме, Владик ходит в школу и на футбол, и еще в фотокружок и всё такое. Из папиных рассказов я не понимаю, помнит он обо мне или давно забыл, что у него есть старший брат. По

папиным рассказам, Владик всегда передает мне привет, но кто знает, может, папа говорит это из вежливости, чтобы я не обижался.

Папа иногда приезжает, да. Мама – никогда. Я такой и запомнил ее, какой она была в то утро, когда ушла на работу и не вернулась – в белом плаще и яркой косынке на шее. Она пахла весенними духами и улыбалась. Я никак не пойму: она же знала, что больше не придет никогда? Или она встретила кого-то там позже, по дороге на работу? Или вечером, когда спешила с работы домой? Вот она зашла в гастроном, купила килограмм сосисок и батон, огурцов для салата и пачку чая. Немного постояла в очереди к кассе, расплатилась, стала выходить из гастронома с покупками, и тут – бац! – навстречу ей кто-то там ошеломляюще красивый и с цветами. Он ей сразу и сказал – «позвони домой, что больше не придешь и уезжаешь в другой город».

Она позвонила, а потом они наши сосиски съели.

Наверняка так всё и произошло. Я даже уверен в этом – ведь не было дня, чтобы я не представлял себе эту историю во всех подробностях. Иногда я вижу, как кто-то там распыляет вокруг мамы волшебные духи, не весенние, как она любит, а какие-нибудь жаркие, летние, и она забывает, что на свете есть мы с Владиком.

А иногда мне всё представляется совсем без волшебства, и тогда вокруг мамы и кого-то там идет противный, серый, склизкий дождь.

Да я, в общем, совсем привык. Бабушка у меня молодая, веселая и быстрая. Но не настолько молодая, как мама, и совсем не такая веселая, как папа. Совершенно по-другому.

И еще я до мурашек соскучился по Владику. Он же мой близнец, в конце концов! Хотя и младший.

4

Моя мечта похожа на бабушку. Не на мою, конечно, потому что моя бабушка никогда не надевает то, что полагается пенсионерке с двумя внуками, – платок там или халат в цветочек. Моя бабушка занимается йогой и рисует городские пейзажи. И ее никто никогда не называл просто по отчеству, как нашу консьержку – Петровна.

Зато мою мечту, если бы она ненадолго превратилась в человека (пока я сплю, например), можно было бы звать по-простому – Ивановна. Потому что она – матрешка, которую бабушка хранит в серванте. Когда бабушка уходит в магазин или к соседке, я достаю Ивановну и разговариваю с ней. Всё равно она никому никогда не скажет, о чем мы шептались, – все слова проникают внутрь, проходят сквозь семь матрешек и прячутся в сердце самой маленькой.

Там и моя мечта хранится.

По-хорошему, в моем возрасте уже пора мечтать о будущей профессии. Но тут загвоздка в том, что мне нельзя ошибиться. Ведь в будущем я стану преуспевающим, богатым и знаменитым, может быть, даже красивым, и Владик, мама и папа, узнав об этом, снова соберутся в семью, простят друг друга, и мы опять обязательно заживем впятером, а не вдвоем, как сейчас, хотя мне с бабушкой хорошо, даже иногда великолепно.

Как человек выбирает профессию? Берет список из нескольких тысяч работ, читает. Потом вычеркивает те, которые уж совсем никуда. Мне, например, вряд ли когда-нибудь светит стать спортсменом, так что уже легче. После вычеркивания остается тысяча. Тоже много. Из этой тысячи нужно вычеркнуть не очень престижные и малооплачиваемые. Мне, как мужчине, это важно – мне же потом семью кормить все-таки. Остается гораздо меньше – допустим, восемьсот. И среди них нужно отыскать те, которые тебе нравятся больше других в списке. Не президент там Газпрома или актер театра и кино, а те работы, которые получатся у тебя лучше всего.

У меня лучше всего получается готовить еду. Не знаю, может, у меня талант. Даже Юлька заметила. «Вот окончу школу, – говорит, – и буду в твоём ресторане обедать. Будешь меня кормить, Веревкин?» И смеется. Как всегда, смеется и щурит свои глаза непонятного цвета.

Бабушка тоже недалеко ушла. Всё время как бы изумляется: «Неужели, Константин, ты действительно собираешься стать поваром? У нас в роду не было никого, кто хотел бы с утра до вечера стоять у плиты». И по всему видно, что повар для нее – профессия скучная и малопочетная. Она бы ее вычеркнула в первую очередь.

Но при этом в корзине, которую мне подарили на день рождения «от семьи», я нашел большую книгу рецептов Джейми Оливера.

С тех пор, как наша семья уменьшилась до двух человек, день рождения у меня начинается одинаково: я просыпаюсь, а у кровати стоит большая корзина с подарками. На каждом подарке подписано «от папы», «от мамы», «от Владика» – но, конечно, я давно догадался, что на самом деле все эти подарки от бабушки. На Джейми Оливере было по-честному написано – «от бабули». Видимо, она понимала, насколько Джейми Оливер круче бинокля и микроскопа вместе, и не смогла подписаться не своим именем.

Джейми Оливер – мой кумир. У него всё здорово получается, а главное, быстро. Когда я впервые увидел его передачу по телевизору, мне показалось, что я с третьего этажа мгновенно переселился на сто третий.

Может быть, если бы вместо дяди Игоря к нам неожиданно пришел Джейми Оливер, я бы и ему рассказал всё как есть. Он бы точно понял.

Когда я о своей мечте думаю, всегда о Владике вспоминаю. Как ни посмотри, а все-таки мы очень похожи. Во всяком случае, были похожи лет до четырех, а как сейчас, не знаю.

Он ведь тоже до трех лет совсем не ходил, и все думали, что он будет как я, но мне кажется, он притворялся из солидарности – мы же близнецы. Просто не хотел, и всё. А потом устал, наверное, ждуть, когда его старший брат пойдет, и перестал притворяться. Я всего этого совсем не помню, но почему-то уверен, что так и было.

Бабушка говорит, что до трех лет он сидел под табуреткой в кухне. Каждое утро заползал под нее и там жил: играл, смотрел мультики, ел, разговаривал оттуда со мной и со взрослыми. А когда ему исполнилось три – вот прямо чуть ли не в наш день рождения, – вылез и пошел. Все, конечно, страшно обрадовались. И стали надеяться, что со мной тоже случится чудо. Хотя все доктора сразу сказали, когда я только родился, – надежды нет. Скажите спасибо, что мозги в порядке.

Я даже не обижаюсь, в конце концов, у меня есть брат-близнец, и он сейчас где-то бегаёт за нас двоих. Но однажды мне попалась книжка, в которой герой выбежал из квартиры на лестничную клетку, вскочил на перила и лихо съехал по

ним вниз. Вот это меня почему-то зацепило. Сотни героев в сотнях книжек с утра до ночи гоняют мяч, бегают кросс, лазают по деревьям, делают ногами уйму невероятных и часто совершенно бессмысленных с точки зрения использования этих самых ног вещей, но эти перила в меня прямо врезались. Я потом даже неделю ничего не читал – вдруг и там тоже кто-то едет по перилам вниз.

Если бы я мог пообщаться с Владиком, я бы обязательно уговорил его научиться съезжать по перилам. Мне и вправду кажется, что это ужасно важно. Юлька бы тогда поняла, какой я на самом деле. И уже больше не делала бы вид, что меня нет.

Бабушка, когда я завел беседу на эту тему, и слушать не стала. Хотя обычно она до ужаса терпелива ко всякой болтовне – рассказываются занятия йогой. Она много слушает и мало говорит. Зато всегда в точку. А когда я сказал про перила, она вдруг перебила меня и начала, глядя мне прямо в глаза, убеждать:

– Тебе это не нужно! Не нужно, понимаешь? Ты и без этой езды по перилам самый лучший внук на свете! Это я тебе точно говорю, Костя, ты меня знаешь, я никогда не вру! Подумаешь! Да я сама в детстве пробовала по перилам скатиться!

– И как? – не выдержал я.

– Да никак, – досадливо отмахнулась бабушка. – Отбила только себе всё. И сразу решила: больше – никогда! И тебе

не советую.

Так я в первый – и единственный – раз узнал, что я – лучший внук на свете. Бабушка всегда разговаривает со мной так, как будто не знает, что я не могу ходить. Как будто это только всем кажется – всем, кроме нее. Это, наверное, на нее так занятия йогой действуют. Иначе как это объяснить? Она же не слепая.

Если бы я точно знал, что мечтать можно о нескольких вещах одновременно, я бы много чего задумал. Например, я бы ужасно хотел, чтобы Алексей Иванович однажды взял да и поставил мне настоящую, полновесную, заслуженную пятерку. Мы с бабушкой тогда, наверное, устроили бы себе грандиозный праздник: испекли бы огромную пиццу, сделали лимонад и валялись на диване, как будто у нас других дел нет. И за уроки я бы в этот день вообще не садился.

Алексей Иванович – мой самый любимый учитель. Несмотря на то, что он преподает у нас самое ненавистное, что вообще может быть, – алгебру и геометрию. И хотя у меня явно очень мало шансов стать великим математиком, уроков Алексея Ивановича я жду, как никаких других. Он не рассказывает нам историй из своей жизни, не показывает фотографии своего взрослого ребенка и кота, не обещает нам сходить летом в поход – хотя последнее меня мало касается. Но на его уроках мы сидим тихо, как мыши, а домашку делаем в обязательном порядке. Потому что он – ну просто очень хороший человек. А обидеть хорошего человека – самое распоследнее дело, это каждый знает.

Да, я хожу в школу. Школа тоже очень хорошая. Официально в нее принимают одаренных детей, но, поскольку она находится в нашем дворе, меня тоже приняли.

Всё происходит очень просто: бабушка довозит меня до охраны, а оттуда меня забирает дежурный одноклассник. Здорово, что некоторые кабинеты, как наш, находятся прямо на первом этаже.

Первые четыре года я учился дома, и это было не очень хорошо. Бабушка решила, что сможет учить меня сама, без посторонней помощи. И вроде всё нормально было, она учила, я учился, но с ней я разленился и разбаловался, так что бабушка какое-то время продержалась, а потом сходила в мою будущую любимую школу и договорилась, что к нам домой будут приходить разные учителя в свободное от работы время. Тут-то я и понял, что школа – дело серьезное.

Особенно когда в нашу дверь вдруг вошел Михаил Арташесович – учитель физкультуры. Я ему сразу сказал про врачей и про «надежды нет». А он принес мне резиновое кольцо – кистевой эспандер – и велел наращивать силу рук. Ну, я теперь и наращиваю. А что? Вдруг я все-таки стану поваром и мне понадобятся сильные кисти?

Когда в классе объявили, что на следующий день к ним приеду я, только Юлька вызвалась помогать мне с передвижением.

– Привет, – говорит. – Меня Юля зовут. Поехали скорее, а то сейчас звонок будет.

Я как увидел ее глаза непонятного цвета, так и заблеял, как коза и семеро козлят:

– Приве-е-ет. Я К-к-костя...

Она говорит:

– Я знаю.

А я думаю: «Всё. Теперь она решит, что я идиот и неинтересный собеседник».

И, скорее всего, так и получилось. Пару месяцев она возила меня по маршруту «охрана – класс» и «класс – охрана» и носила мне из буфета завтраки, но, как только я обращался к ней не по делу, тут же косилась на своего Субботина и превращалась в каменную скалу и ледяную глыбу.

А потом ребята ко мне привыкли и стали возмущаться, что меня одна Юлька возит. Сейчас ее дежурство выпадает раз в два месяца – это если не считать каникул, без которых, если честно, было бы гораздо лучше. И без выходных.

С тех пор, как Михаил Арташесович научил меня серьезно относиться к своему здоровью, я ни дня не могу прожить без упражнений. Оказалось, что заниматься физкультурой могут даже такие, как я.

Теперь ручной эспандер – мой лучший друг. Я, когда им работаю, представляю, как это пригодится мне в будущем. Вот я пеку блины, играючи перебрасывая сковородку из одной руки в другую. Или идем мы с Юлькой вечером по бандитскому району, а навстречу хулиганы. Лучше, конечно, если один хулиган, а то Юльке тоже придется драться, а ей в этой ситуации нужно быть принцессой. Так вот, он ко мне так наклоняется и наглым тоном говорит: «Закурить не найдется?» И тут я ему – р-р-раз, и приемчик! И – «пойдем, Юля, отсюда, здесь не уважают физкультуру и спорт». Я прямо вижу, как она на меня смотрит этими своими глазами.

На меня вообще-то многие смотрят, и это не так уж и приятно, я вам скажу. Когда люди делают вид, что не замечают меня, даже лучше получается. Понятно, что всё идет по плану. А бывают такие дни, что хоть стой, хоть падай.

Однажды к бабушке в гости приехала ее старая, сто лет назад потерянная подруга. Когда она вдруг отыскалась и появилась на бабушкином горизонте, бабушка страшно обрадовалась. Накрыла стол, сделала прическу, похожую на ту,

которая была у нее в молодости, и даже пропустила йогу. Я было сказал «ага!», но бабушка быстро объяснила мне значение слов «уважительная причина», и я понял, что прогулять школу мне не удастся никогда, даже в надвигающемся на меня, как тайфун, подростковом возрасте, когда у меня начисто снесет крышу и потянет на подвиги.

И вот час встречи верных подруг пробил. Я вздохнул с облегчением – всю неделю мне пришлось слушать бесконечную историю о дружбе двух мушкетерш, их приключениях и достижениях. Глядя на свою собственную бабушку, я ни капли не сомневался, что всё так и было. Но чтобы на свете существовала вторая такая же бодрая пенсионерка, от которой всего можно ожидать!

Я сидел в своей комнате и слышал, как заверещал звонок.

– Мариночка!

– Тонечка!

Следом за этим раздались охи, всхлипы и взвизги, местами переходящие в предгрозовые крики ласточек. Когда звуковой ряд начал походить на человеческую речь, я понял, что мне самое время появиться на сцене – то есть в дверном проеме.

– Это мой внук Константин, – представила меня бабушка.

Не знаю, может, когда-то ее подруга и была молодой, но в тот день она оказалась толстой и довольно суетливой женщиной с мелкими кудряшками на круглой голове. Она смеялась и радовалась встрече с бабушкой, но при виде меня выраже-

ние ее лица резко изменилось. Нарисованные брови поднялись, губы вытянулись в трубочку. А потом начался кошмар. Она бросилась ко мне и рыдающим голосом принялась меня утешать:

– Ой, бедненький! Ой, это ж беда какая! Такой маленький – и навсегда в этой коляске! Да что ж это такое делается! Ты не плачь, не плачь, – я и не собирался, – и без ножек можно жить, вот мой сосед по даче – он сейчас на заслуженном отдыхе, а раньше как сыр в масле катался, ему много подавали, – и что-то еще в таком духе, я уже не помню.

При этом она без остановки гладила меня по голове, как маленького. Я хотел уклониться, но не мог – был зажат в дверном проеме.

Из трех героев этой сценки двигался только один (хотя и за всех троих), остальные двое остолбенели. Потом бабушке удалось побороть крайнюю степень изумления и вставить пару слов:

– Антонина, что за цирк?

Ничего не изменилось: подруга ревела белугой, я был в плену дверного проема. Тогда бабушка сделала какое-то неуловимое движение. Я сначала подумал, что она хочет обнять старую подругу, но она рукой быстро залепила ей рот.

– Да заткнешься ты когда-нибудь?! – возмущенно закричала она. – Ты не в себе? Совсем уже, что ли?

Подруга замолчала, но было видно, что поведение бабушки ее изумило. Согласен, прозвучало всё это не очень-то

вежливо.

– Но как же?... – спросила она, освобождаясь из бабушкиного захвата. – Ведь больной ребенок... Ведь калека... Жалко...

И вот тут моя всегда невозмутимая, как индеец чероки, бабушка крепко взяла подругу под руку и решительно вывела ее на лестничную клетку. И закрыла дверь на замок.

Праздник кончился, не успев начаться.

Бабушка повернулась ко мне, осмотрела меня с ног до головы, убедилась в том, что мне удалось уцелеть и остаться невредимым, и сказала то, что я меньше всего ожидал от нее услышать:

– У индейцев существует пословица: «Есть много способов пахнуть скунсом».

Потом крепко зажмурилась и замычала, как будто у нее внезапно заболели все зубы:

– А ведь я сейчас могла быть на йоге!

И, отжмурившись обратно, решительно направилась на кухню:

– Прошу к столу!

Меня особо не тронула эта история – всё произошло так неожиданно, что я ничего не понял. Хотя было жалко, что бабушка обманулась в своих ожиданиях от встречи с молодостью. Но именно тогда я начал подозревать: моя бабушка индеец. Хотя бы наполовину.

Иногда мне становится нестерпимо обидно, что я такой, и «нестерпимо» – ключевое слово. Этим словом можно заменить тысячи других слов о моей болезни; наверное, даже медицинскую карту можно было бы заменить.

Всё, что со мной случилось, – только неудачное стечение обстоятельств. Например, если бы я не полез на свет первым, пропустил бы вперед Владика, неужели всё было бы точно так же? И я бы так же ездил на коляске, и никогда не имел бы дела с лестницами, и так же мечтал бы проехаться вниз по перилам? И мама бы ушла в неизвестном направлении, и папа предпочел бы начать новую жизнь и забыть старую, и у меня не было бы ни одного друга, и Юлька точно так же смотрела бы сквозь меня, как будто я – не заслуживающий внимания жук?

Такие мысли случаются у меня, если я проснусь среди ночи, вокруг темень, один сон закончился, а новый никак не идет. Тогда, оказавшись в пустоте между двумя снами, я почему-то начинаю прокручивать в голове свою историю, и мне так обидно – просто нестерпимо! А чернящие мысли льются и льются, и ничего с ними не поделаешь. Я прячу лицо в подушку и колочу кулаком по кровати: «Нечестно! Нечестно!» И я прямо вижу, как весь мир смеется над тем, какой я сейчас жалкий, беспомощный и глупый. Конечно! У них-то

всё хорошо! У всех всё хорошо, кроме меня.

И обои в моей комнате становятся густо-черными, и чернота вокруг меня сжимается...

Тогда я думаю, что на самом деле было бы справедливо, если бы Владик при нашем рождении решил стать старшим братом, а я бы не спорил и пропустил бы его вперед. И сейчас бы я жил с папой и ходил бы в кружок лего, и на футбол бы обязательно записался, а может быть, и на танцы, и на лифте не ездил бы, а поднимался только пешком, и был бы ужасно равнодушен ко всем перилам на свете, даже специально созданным для скатывания.

Но потом я вдруг прихожу в себя, вижу всю эту картину со стороны, и мне становится страшно за Владика. Как он жил бы в коляске? Нет, он не смог бы, точно. Опустил бы руки, выбросил бы ручной эспандер, не стал бы постигать тонкости приготовления пиццы. Только сидел бы под табуреткой да плакал, сидел да плакал – и так целыми днями напролет.

Тогда пускай лучше я. Я уже привык. Мне даже нравится. И вообще мне и так повезло. Во-первых, с бабушкой мне на удивление легко и хорошо. Такие бабушки встречаются очень редко, может, раз в сто лет или даже еще реже. Во-вторых, сейчас она мне помогает, а потом, когда я вырасту, я сам стану ей помогать – это я знаю твердо. А Владик, может, и не смог бы.

В-третьих, мой мозг думает, мои руки работают. Мозг работает, руки думают. Не всем так везет.

А в-четвертых, я никогда не плачу. Может, не умею, а может, просто всё всегда исправляется до того, как наступит настоящая грусть.

Так что пусть всё остается на своем месте. В конце концов, я грущу только по ночам, да и то не так чтобы очень часто. Потом в любом случае засыпаю и сплю до будильника. А утром всё становится хорошо. Особенно если солнечно.

– Мы идем гулять, – объявила бабушка.

Обычно мы никуда не ходим, только в школу и обратно. Когда мы движемся к школе, я весь мысленно лечу, потому что полностью настроен на ту череду событий, которая ждет меня в течение дня. И домой возвращаться мне тоже приятно – дом есть дом, это каждому ясно.

А кроме школы, идти особенно некуда. Наш двор не приспособлен для прогулок: тротуары заполнены машинами соседей, а всё свободное пространство занимает детская площадка, где мне особенно нечего делать. Да и ходят сюда одни малыши, чтобы покопошиться в песочнице или покачаться на качелях, – тут мне и поговорить не с кем.

Но это когда мы дома. Уже неделю дом мне только снится, и бабушке, наверное, тоже. Словом, мы лежим в больнице.

Правда, только так говорится – лежим, а на самом деле я с утра до вечера перехожу из рук одного доктора в руки другого. Меня обследуют. Просвечивают, простукивают, вертят из стороны в сторону, ощупывают, осматривают. И всё время спрашивают. У врачей припасено ужасно много вопросов, и ты только и делаешь, что отвечаешь, отвечаешь. Почему-то каждый считает своим долгом спросить, как меня зовут и сколько мне лет, – будто в карте ни слова об этом. Некоторые просят посчитать вслух или назвать любимые цвета. Но

я не злюсь – понятно, работа у них такая, проверять, есть ли у меня мозги или за год превратились в сухофрукт.

Мы бываем здесь каждый год – я и бабушка. Я – потому что это нужно. А бабушка – потому что санитарки не обязаны за мной следить, ну там чтобы не упал с кровати или правильно сходил в туалет. Тут всё не как дома, и мне одному не справиться.

Перед самым нашим отъездом в больницу, поздно вечером, когда мне давно полагалось спать, я в десятый раз представлял себе больницу и то, как там всё будет. Меня уже почти тошнило, а одеяло совсем перестало греть, и тут – звонок в дверь. К бабушке пришел дядя Игорь.

Он долго стоял в прихожей, категорически отказывался перейти в кухню. Сказал, что забежал буквально на пять минут и ему нужно бежать дальше. Бабушка на это ответила, что за пять минут вполне можно выпить чашку чая. Несколько минут у них ушло на споры, потом дядя Игорь капитулировал и отправился-таки на кухню, где, естественно, был накормлен по полной программе. О чем они там разговаривали, я не слышал, хотя, чего греха таить, очень старался. Слышно стало, только когда через час дядя Игорь начал прощаться.

– Вот, Марина Григорьевна, – сказал он, – возьмите.

– Да что ты! Не надо! Еще не хватает! – возмущенно вскричала бабушка.

– Ну не обижайте меня, возьмите, – настаивал дядя Игорь.

– Не возьму.

– Возьмите. Пригодятся. Тем более вам завтра в больницу ложиться. В отдельной палате вам с Костиком будет удобнее, чем в общей.

На этих словах дяди Игоря бабушкина оборона дала трещину. Бабушка согласилась что-то взять, но после этого долго охала, всхлипывала и вздыхала. А когда полуночный гость ушел, так развздохалась, что я совершенно забыл об ужасах завтрашнего дня. Мне стало жалко бабушку – и в целом, и еще потому, что ей тоже придется две недели сидеть в заточении, слушать отрывистые команды толстых пожилых санитарок и худых молоденьких медсестер, которые всегда не в духе, и те и другие, да еще и забыть про свои любимые занятия йогой. Ей там и поговорить-то не с кем будет. А всё из-за меня.

Неделю мы оба немного покисли в чуждом нам больничном мире. А потом бабушка вдруг сказала:

– Ну всё, хватит. Мы идем гулять.

И вот удивительно – я даже обрадовался.

И мы пошли.

Мы вырулили из палаты и помчались по коридору. По пути нам попалось несколько таких же, как я, колясочников. Глядя на них, я в очередной раз осознал, что ни с кем из них не мог бы подружиться. Пока мы двигались по длиннющему коридору, почти никто даже не перевел на нас взгляда – смотрели в пустоту, и всё. Кто обращал на нас внимание, так это сопровождающие – мамы или сиделки, но в их глазах тоже не было радости или хотя бы интереса. Большинству было всё равно, едем мы мимо них или нет. Некоторые почему-то косились на нас с неприязнью, хотя мы никогда раньше не встречались и не знакомились.

Мне кажется, это неправильно, что в больнице никто ни с кем не общается. У нас много общего, в конце концов, иначе бы мы в эту больницу не попали. Я тут пробовал заговорить с одним парнишкой. Он сидел у окна в общем холле и, как мне показалось, жутко скучал.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.